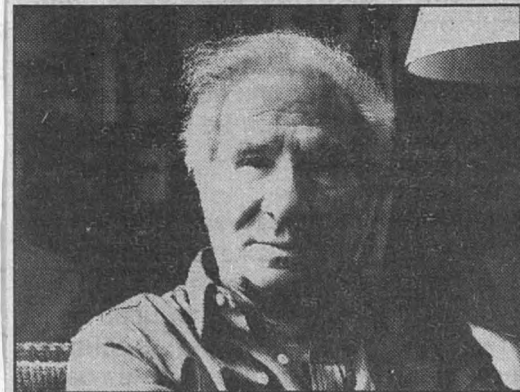

Эта жизнь – все равно подарок

Аргументы и факты. – 1992. – № 43-44. – С. 4

“Начальственные лбы” обвиняли его в мелкотемье, очернительстве, даже в маоизме и неотрецкизме. А зритель валом валил посмеяться и поплакать над его непутевыми героями.

Имя Александра ВОЛОДИНА уже вошло в анналы отечественного театра и кино, его печатают и ставят на многих языках в Азии, Америке, Европе.

- Александр Моисеевич, на ваших произведениях воспитывалось несколько поколений. Вы чувствуете себя знаменитостью?

- Известность в тех кругах, где знают театр и кино, - это не значит «знаменитость», нет, но даже известность обязывает. Нужно сделать не хуже, а ведь случается, и за это стыдно. Задним числом мне все хочется переделать. Эфрос говорил: “Саша, твои поправки не войдут в спектакль, но войдут в историю”.

- “Пять вечеров” и “Назначение” тоже хочется переделать?

- Когда нравится людям, я думаю: чего же я стыдился? Я до сих пор помню “Пять вечеров” Товстоногова, там поразительно играла Зинаида Шарко. И “Назначение” в “Современнике” было замечательным, но спектакль запретили.

- По этой части вам везло, как никому. А ваши киноработы?

- Из киноработ мне нравятся две - “Пять вечеров” Никиты Михалкова и “Осенний марафон” Георгия Данелия. Оба режиссера интересны. Никита - тем, что легко работает, “шутя, играет”. Данелия очень чувству-

ет ритм, юмор, у него прекрасная грузинская фантазия.

- А сейчас какие из ваших пьес чаще ставят?

- Сейчас ставят больше метафорические - “Две стрелы”, “Ящерицу”, они оказались общечеловеческими, в них нет упертости в быт.

- “Мать Иисуса” тоже идет?

- Да. Это небольшая пьеса. Она была написана почти тридцать лет назад, когда о религии и заикаться нельзя было. Мне хотелось сказать о том, что произошло после казни Христа, я верю, что этот человек и правда жил и был необыкновенным.

- Ваши произведения объединяет какая-то юношеская, до дерзости, я бы сказала, вера в величие жизни. Откуда это?

- С войны. На фронте была почти полная уверенность, что ты либо погибнешь, либо останешься калеккой. Жизнь казалась недостижимым праздником. И теперь я всегда думаю, что эта жизнь, пусть с бедами, стыдом, виной, все равно единственная, все равно подарок, и не быть благодарным за нее грешно.

- Вы были готовы к нашим сегодняшним бедам?

- Совершенно не был готов. Абсолютно. Я очень аполитичный человек. До смешного аполитичный. Я всегда любил театр, Пастернака и не любил собраний. Я думал, что страна осуждена вечно быть советской. А она, оказывается, может быть разной. Жизнь от этого не обязательно улучшится, но хотя бы изменится. И слава Богу!

- Остаетесь оптимистом?

- Я оптимист в том смысле, что считаю: через поколение у нас наладится жизнь стабильной малоразвитой страны.

Относительно себя я перестал быть уверенным, что то, что я пишу, нужно людям.

Стало трудно читать о том, что выдуманно. Пишу разнообразные невыдуманные записки, а они, как говорят мне, печальны.

- Написать крупное утешение не тянет?

- Пьесу? Нет. Я слишком любил театр, чтобы писать не очень хорошо, когда не знаешь ничего про время и про себя с такой ясностью, как прежде. Нет, сейчас не надо писать. Когда все стабилизируется, тогда станет ясно и про сегодняшнее время и можно будет выдумывать. Пока пишу записки и стихи.

- А в театре?

- Сейчас жизнь стала антипоэтичной, потому что трудно просто быть сытым хотя бы. А искусство живет поэзией, радостной или грустной, но поэзией. Сейчас она не нужна.

Когда во время войны после долгого перерыва я попал в театр, то увидел, что он убит войной. Со сцены актеры потянулись в зал, где сидели генералы и спекулянты: “Как, вас не беспокоит? А это вам нравится?” А из зала, откинувшись на спинки кресел, посматривали: “Вот это вот - ничего, а это - так себе”.

Такое время наступило и сейчас. Снова искусство заискивает перед богатыми, которые могут покупать билеты по 150-200 рублей. Этого не должно быть. В редких случаях поэзия пробивается, как в спектаклях литовского режиссера Некрошюса, тогда пронзительно ощущаешь радость жизни.

- Некрошюс для нас теперь недостижим.

- Недавно приезжал московский коллектив, где играют мои любимые актеры. Привозили “А чой-то ты во фраке?”. Спектакль и смешной, и поэтичный, и озорной, и с игрой. Я пришел после представления домой, все спят, говорю: “Всем встать!” И начал проигрывать спектакль, танцевать за Полищук, петь за Петренко, показывать поклоны, которые они отдавали по-старинному ярусам и партеру. Это был радостный спектакль. И зал был забит молодыми людьми. Я тогда подумал: “Ну что ж это я? Ну что ж это я так-то? Ведь жить еще надо, ведь жить еще можно, раз это существует на сцене!”

Беседовала Л. ИВАНОВА

Фото А. Крушова